

ЗАОЧНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ

«НОВЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ»

А. И. Плотников*

СОУЧАСТИЕ В СИСТЕМЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХСЯ СТЕЧЕНИЕМ ПРЕСТУПНИКОВ

Аннотация. Соучастие является наиболее уязвимым звеном в системе уголовно-правовых норм. Его практическое применение характеризуется противоречивостью, а научные исследования — принципиальными разночтениями. Автор показывает основную причину, послужившую яблоком раздора среди специалистов. Ею, по мнению автора, является расхождение традиционного подразделения соучастия на исполнителей, организаторов и подстрекателей с современными представлениями о совместной деятельности, признанной в законе конструктивным признаком соучастия. Согласно данным психологической науки совместность предполагает сознательное взаимодействие нескольких лиц, ограниченное по месту и времени его осуществления. Названные традиционные формы соучастия такими свойствами не обладают, поскольку являются разрозненными самостоятельными действиями. В результате наложения этих противоречащих друг другу представлений и отражающих их законодательных положений практическое применение норм о соучастии выливается в противоречивую и в определенной мере произвольную оценку одних и тех же деяний либо в качестве групповых преступлений с очевидным признаком совместности (собственно соучастия), либо как сложного соучастия (традиционного), предопределяющую их различную ответственность и наказуемость. Поскольку законодательная формула соучастия требует совместности действий соучастников, традиционные формы соучастия искусственно подгоняются под нее или действительно совместные действия в той же мере расширяются до пределов традиционных форм, порождая неразбериху в квалификации, а как следствие, приводят к правоприменительным импровизациям и нарушениям принципов законности и справедливости в решении вопросов об ответственности соучастников. По мнению автора, существующее положение может быть устранено выделением традиционных форм соучастия в отдельную группу норм, именуемых причастностью к преступлению, как не обладающих признаком совместности. Последней соответствуют групповые преступления, требующие специальной квалификации, ответственности и наказуемости. В этих же целях предлагается упорядочить всю систему норм, связанных, как и соучастие, с фактами стечения преступников в связи с совершением одного преступления, подразделив ее по степени связи объективных и субъективных признаков: 1) на неосторожное сопричинение; 2) причастность к преступлению; 3) соучастие в преступлении; 4) прикосновенность к преступлению. Данное предложение позволит устранить противоречия в институте соучастия, система-

© Плотников А. И., 2016

* Плотников Александр Иванович, доктор юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

plotnikovmgua@yandex.ru

460000, Россия, г. Оренбург, ул. Комсомольская, д. 50

тизировать уголовно-правовые нормы о стечении преступников по признаку опасности отражаемых ими явлений и соответственно облегчить квалификацию этих видов преступлений, тем самым способствовать реализации принципов уголовного права и эффективности его применения. Даются проекты соответствующих норм.

Ключевые слова: *стечение преступников, соучастие в преступлении, совместная деятельность, групповое преступление, соучастие в преступлении с исполнением различных ролей, причастность к преступлению, организатор, исполнитель, подстрекатель, пособник.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2016.114.5.117-132

Наука и практика признают соучастие в преступлении одним из самых проблемных институтов уголовного права, что обусловлено, на наш взгляд, во-первых, сложной структурой данного института, во-вторых, наличием противоположных элементов в ней и возникающими на их базе формально логическими противоречиями, с которыми сталкивается исследователь и правоприменитель при анализе соучастия, в-третьих, наличием значительного числа деяний, сходных с соучастием и граничащих с ним. Поэтому для выявления социальной и юридической сущности, фактических и юридических границ необходимо рассматривать соучастие не только со стороны его содержания, но и как сложное диалектически противоречивое деяние в системе близких ему социально-правовых явлений.

В самом общем виде структурная сложность соучастия заключается в сочетании в нем единства и множества¹. Соучастие представляет собой единое и целостное социальное и криминальное явление, образуемое, совокупными действиями нескольких лиц, являющихся самостоятельными субъектами уголовной ответственности. Соучастие имеет место тогда, когда несколько лиц действуют как одно лицо, несколько субъектов как один субъект. При исследовании института соучастия прежде всего встает вопрос, что понимать под единством соучастия и как совместить единство соучастия с индивидуальными действиями и ответственностью нескольких лиц, воплощающих его.

Соучастие предполагает стечение нескольких лиц в связи с совершением преступления (стечение преступников)².

Схождение при совершении преступления нескольких лиц возможно в различных вариационных схемах. При стечении преступников имеют в виду такую общность преступников, которая связана с одним и тем же событием преступления, как стержнем, вокруг которого разворачиваются действия лиц, имеющих к нему отношение, независимо от того, как в итоге они оцениваются формально юридически — как одно или как самостоятельные преступления.

Совершение в одном месте и в одно время одними и теми же лицами не одного, а нескольких преступлений создает другую уголовно-правовую проблему (множественности преступлений), обусловленную повторяемостью действий и необходимостью выявления ее юридической значимости как определенной закономерности в преступном поведении в целях выработки мер противодействия ему. В какой-то момент эти социально-правовые явления (и проблемы соответственно) могут пересекаться, но при этом они сохраняют самостоятельное социальное и юридическое значение.

Своеобразие соучастия как разновидности стечения преступников базируется на представлении о тех лицах, которые сознательно создают событие преступления, являются его производительной силой и источником. Другие лица — имеющие ту или иную связь с преступлением, но не являющиеся его движущей силой, периферия преступления, — составляют самостоятельную группу (так называемых прикосновенных лиц).

Поскольку соучастие характеризуется единством нескольких действующих лиц, главный вопрос в соучастии: когда действия нескольких

¹ В соучастии мы обнаруживаем философскую проблему единства во множестве. О проблеме единства во множестве см.: Лосев А. Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 309—317.

² Термин «стечение преступников» был введен русскими дореволюционными криминалистами (см.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. Тула, 2001. Т. 1. С. 572).

лиц можно рассматривать как единое целое, как условное одно действующее лицо? Очевидно, что при соучастии все лица должны совершать одно и то же деяние (в его строгих законодательных признаках и границах), в равной мере осознавать значение и последствия слияния отдельных действий в общий поток изменений и направлять свои действия на его осуществление как спланированный результат. Степень слитности «множества» действий в единое целое определит его эффективность как совместного поведения, а в уголовном правовом значении — общественную опасность (наряду с совершаемым преступлением) самого объединения лиц как такового.

Социальную и юридическую сущность, содержание и значимость института соучастия трудно понять, не учитывая историю его развития.

С давних пор в соучастии выделялись лица, составляющие его ядро, — те, чьими руками совершается преступление, так называемые исполнители. «Действие, учиненное исполнителем, или сумма его действий определяют по общему правилу юридический характер всего совершенного соучастниками; исполнители представляют центральный пункт соучастия»³.

Другую группу лиц составили те, кто в той или иной степени оказывали исполнителям содействие (материальное или интеллектуальное), но непосредственно своими собственными руками не совершали тех действий, которые признаются преступлением⁴.

Это деление отражает с объективной стороны естественную схему слияния разных сил, являющихся необходимыми условиями возникновения преступления, с учетом социально-психологического (субъективного восприятия ее обществом): исполнители являются основной и ближайшей силой, создающей преступление, все другие — вспомогательной, второстепенной (их градация и наименования в разных правовых системах различны, но везде проводится указанное подразделение). Оно же отражается в квалификации и наказании: основные действия (исполнителей) в преступлении оцениваются как более опасные.

Очевидно, что утвердившееся в советской и постсоветской российской науке и практике разделение соучастия на простое (соисполнительство, совиновничество) и сложное (с разными ролями), с его различающейся юридической оценкой (соисполнительство квалифицируется по статье Особенной части Уголовного кодекса, а сложное соучастие по статье Особенной части плюс статье Общей части о соответствующей функции), отражает выше-названную исторически сложившуюся во всех правовых системах оценку различия значимости действий соучастников.

В дальнейшем первый вариант соучастия в Уголовном кодексе Российской Федерации получил название группового⁵ и был дифференцирован в законе на 4 вида (формы): группу лиц, группу лиц с предварительным сговором, организованную группу, преступное сообщество (ст. 35 УК РФ). Однако наука, практика и законодатель столкнулись здесь с трудностью. Оказалось, что наиболее организованные формы групп не укладываются в рамки собственно исполнительских действий⁶. Более высокий уровень организации объективно требовал более сложной и разветвленной структуры группы. Возник вопрос, как в таком случае квалифицировать действия тех участников группы, которые не совершают исполнительских действий? Возможны были два варианта решения: либо объявить преступлением саму группу как таковую, независимо от того, что совершают (и совершают ли вообще) ее участники, либо распространить понятие группы на все виды соучастников.

Каждый из этих вариантов имеет свои положительные и отрицательные моменты. В первом случае расширяются до известной степени границы преступления, но не нарушается традиционное разделение исполнительских и иных действий. Во втором стирается различие между основными виновниками и второстепенными, соучастие превращается в достаточно аморфное образование, но упрощается квалификация, так как группа охватывает всех причастных к преступлению лиц, независимо от выполняемых ролей.

³ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 587.

⁴ Указ. соч. С. 587—588. См. также: Есаков Г. А. Учение о преступлении в странах семьи общего права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. С. 39.

⁵ См.: Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 6—7.

⁶ Уголовное право. История юридической науки. М., 1978. С. 112—113.

Второй вариант в последние годы получил научное обоснование в работе А. В. Шеслера⁷.

В УК РФ нашел воплощение, очевидно, промежуточный вариант. Исполнительство прямо приписано лишь к группе лиц, спонтанному, нестойкому образованию в силу отсутствия предварительного соглашения. Относительно других групповых преступлений (с предварительным сговором, организованной группой и преступным сообществом) законодатель не указал прямо обязательности исполнительских действий. Но связь группы с исполнением преступления оказалась более стойкой в сознании специалистов. В результате практика заколебалась. В постановлениях высшего судебного органа мы находим противоречащие друг другу рекомендации: с одной стороны, следовать в констатации группы исполнительским функциям, а с другой — признавать наличие группы и включать в нее тех, кто не исполняет преступление, а лишь в той или иной мере способствует ему. Неустойчивость практики проявилась и в попытке расширительного толкования вспомогательных действий как исполнения преступления. При таком положении сложно говорить о единой линии в правоприменении, что не согласуется с принципом законности.

Что означает в фактическом смысле единство соучастия? То, что все лица совершают одно и то же деяние, характеризующее в законе как преступление. Для юридической характеристики единства соучастия законодатель использует термин «совместность», наиболее точно выражающий единство в поведении различных людей. Поскольку основные элементы и признаки преступления, в том числе его границы, обозначены в статьях Особенной части (с учетом коррекции в части неоконченного преступления), постольку соучастники при наличии единства должны делать то, что указано в них (соучастники убийства — участвовать в лишении жизни, соучастники хищения — в изъятии и обращении имущества в свою пользу и т.п.).

Каковы фактические условия участия в преступлении вообще? Нельзя участвовать в преступлении, не находясь в месте его со-

вершения. Но само нахождение в месте преступления еще не есть участие (мало ли кто может в силу обстоятельств оказаться в этом месте). Реальное участие предполагает вложение сил участника в общее дело. Следует отметить, что приложение сил не всегда может формально юридически соответствовать описанию преступления. Например, убийство есть лишение жизни. Однако участником убийства справедливо признается не только тот, кто наносит смертельный удар, но и тот, кто способствует этому, применяя насилие, поскольку он вносит свою лепту в насилие, приводящее к смерти. На этом же основании участником кражи признается лицо, стоящее на страже или помогающее обратить предмет хищения в распоряжение похитителя (переносом с места преступления, транспортом и т.п.). В то же время лицо, давшее совет, как эффективнее совершить кражу, но не находившееся на месте преступления и не включенное в процесс его совершения, не признается участником хищения, а рассматривается как пособник. К сожалению, по-видимому, из прагматических (опасения несоразмерного наказания), а возможно, и психологических причин стояние на страже и ненасильственная помощь на месте совершения убийства (в отличие от хищения) не признаются на практике участием в нем, хотя их значение одинаково для обоих преступлений. Этот разноречивый является следствием недостаточного осознания преступления и участия в нем как определенного процесса, протекающего в конкретное время и в конкретном месте, в который включены субъекты деяния.

Таким образом, основополагающие условия становления преступления (как и любого явления), при которых мыслимо соучастие, в науке и правоприменении не соблюдаются последовательно. Деяние, образующее преступление, в ряде случаев понимается широко, а к конкретному преступлению относят не только то, что непосредственно предусмотрено в законе, но и любое содействие ему безотносительно к тому, где и в какой момент оно осуществлялось⁸. В соответствии с этим соучастием объяв-

⁷ Шеслер А. В. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

⁸ Данное требование распространяется и на предварительную преступную деятельность (приготовление и покушение). К ней нельзя относить действия, положенные в основу видов соучастников, поскольку последние не планируют участвовать непосредственно в самом преступлении, как это бывает при

ляется не только само совершение преступления, но и его организация, склонение к этому преступлению и та или иная, нередко разово оказанная, помощь. Соответственно этому выделяются, как принято считать, роли соучастников: исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник.

Дело, разумеется, не в терминологии, хотя ее точность немаловажна. Не было бы проблемы в широкой трактовке соучастия, если бы было принципиальное понимание того, что помощь на месте совершения деяния, включенная в процесс его совершения, — это существенно иная помощь (в сравнении с разовым случайным содействием, оказанным в другом месте и в другое время), превращающая оказывающее ее лицо в реального участника происходящего события. Помощь же до начала процесса преступления (как и после) не может быть признана участием в нем.

Распространение соучастия на организацию преступления, подстрекательство и пособничество нельзя признать правильным, поскольку здесь игнорируется тот факт, что любое событие происходит в каком-то месте и в какое-то время, а указанные действия оторваны от основного преступления⁹, хотя и имеют к нему определенное отношение. Уголовно-процессуальный закон, регулирующий порядок практического установления уголовно-правовых деяний, недаром требует от правоприменителя установления времени и места совершения преступления (п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). В противном случае преступление превращается в безразмерное явление. Одно дело, когда содействие реализации объективной стороны деяния происходит в момент ее осуществления (например, преступник подает убийце оружие, дубинку, нож, шнур и т.п. в процессе лишения жизни на месте преступления): налицо все основания считать его участником преступления. Совсем другое, когда то же орудие было передано заранее совсем при других обстоятельствах. В первом случае лицо включено в процесс реального лишения жизни. Во втором оно отсутствует в нем. Соучастие в преступлении

предполагает включенность лица в процесс его реализации. Границы этого процесса предопределены границами объективной стороны преступления, указанными в законе.

Когда, в какое время совершают преступления организатор, подстрекатель и пособник? Если они соучастники, то моментом окончания совершаемого ими преступления должно стать его исполнение. Но оно осуществляется совсем другими лицами (мы не берем ситуацию формального исполнения нескольких ролей). В теории и на практике моментом окончания деяний организаторов, подстрекателей и пособников признаются их собственные действия (разве не по признаку отсутствия общности?). Она выявится позднее, когда действия индивидуально выполнит другое лицо — исполнитель. Но проявляющаяся в действиях исполнителя общность не является совместностью. Это иные индивидуальные действия с использованием материальных или интеллектуальных средств, предоставленных другими лицами. Если считать эти действия совместными, то надо признать, что соучастником может быть и лицо (организатор, подстрекатель, пособник), умершее к моменту исполнения преступления, поскольку свои действия оно совершило, будучи живым, но «соучастие» как совместное деяние осуществилось уже после наступления смерти.

С этих позиций традиционные виды соучастия (организация, подстрекательство, пособничество) не могут быть признаны соучастием. Они отражают лишь социальный заказ на уголовное преследование таких действий, однако являются самостоятельными социально-психологическими актами, объективно и субъективно раздельными с основным (главным) преступлением (осуществленным исполнителем). В них отсутствует единство объективных и субъективных признаков с этим преступлением. Соучастием по традиции они признаются в широком смысле — как имеющие отношение к основному преступлению, совершенные в связи с ним. Но ни одно из них не образует объективную сторону тех преступлений, к которым

приготовлении и покушении. Не меняет положения признание неудавшегося соучастия неоконченным преступлением, так как при этом используется фикция, то есть условное отнесение его к предварительной преступной деятельности.

⁹ В уголовном праве с давних пор при анализе соучастия используется термин «основное», «главное» преступление и производные от него — «основной виновник», «главный виновник» (см.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 587, 588 ; Галиакбаров Р. Р. Указ. соч. С. 7).

эти действия причастны¹⁰ (здесь мы не берем их как самостоятельные составы, определенное наличие которых как раз косвенно и указывает на недостаточность традиционного решения вопроса). С фактической стороны лица, совершающие указанные действия, не участвуют в совершении преступлений, поскольку их действия под признаки преступлений не подпадают. Вполне очевидно, что и субъективно, психологически эти лица не считают себя участниками соответствующих преступлений в обычно понимаемом (а не формально юридическом) смысле. Уголовное преследование организационных действий, подстрекательства и пособничества, безусловно, связано с их причастностью к тем или иным преступлениям, но такая взаимосвязь не является доказательством соучастия. Мы можем найти много преступлений не только взаимосвязанных, но нередко находящихся в обуславливающей зависимости одного от другого, что не предопределяет соучастия. Убийство может быть содействием хищению и наоборот, дача взятки и посредничество обуславливают получение взятки. Таких связей между преступлениями немало, что, впрочем, не приводит к выводам о наличии соучастия, поскольку границы преступлений предполагают четкое законодательное определение. Конечно, иногда тем или иным терминам придается расширительное значение. В публицистике, в политике, например, встречаются выражения, смысл которых — указать на что-то объединяющее в жизни общества, государства. Говорят иногда, что все граждане в государстве делают одно общее дело, работают на его благо, сотрудничают и т.п. Но понятно, что при этом речь идет о некоем условном сотрудничестве, как бы вытекающем из принадлежности к одному государству, а не о совместной деятельности в ее строгом научном социально-психологическом смысле. Закон не может допускать столь расплывчатых эмоциональных, а иногда

идеологических трактовок в характеристике содержания и границ преступления.

Все исследователи соучастия в преступлении подчеркивают, что единство действий соучастников (совместность) обеспечивается достигаемым ими в той или иной форме соглашением по поводу предстоящих действий. Но при этом упускается из виду, что соглашение должно касаться не просто действий этих лиц, а взаимных действий (взаимодействия), и не просто взаимодействия, а взаимодействия, основанного на указанных в законе признаках преступления. Информирование одним другого о своих возможных действиях или просьбы оказать какое-либо содействие, а также их осуществление (передача денег, оружия, средств и т.д.) не входят в структуру запланированного преступления.

Нельзя рассматривать как сговор (соглашение) склонение одним лицом другого к совершению преступления (подстрекательство) не потому, что в таком «сговоре» вообще нет элементов согласия, а потому, что это согласие не касается будущих совместных действий, то есть взаимодействия. Более того, такие действия по смыслу подстрекательства даже и не предполагаются.

В уголовном законодательстве Испании, например (как, впрочем, и некоторых других стран), сговор является самостоятельным преступлением и не имеет ничего общего с помощью другому, а тем более с подталкиванием другого к преступлению, как его толкуют с позиций традиционного соучастия. Не случайно и подстрекательство, и пособничество по Уголовному кодексу Испании наказуемы лишь в специально предусмотренных случаях, что, на наш взгляд, указывает на их специфический характер, отличный от совместной деятельности (кн. I, разд. I, ст. 17—18). В то время как в УК РФ они находятся в рамках соучастия и отнесены, следовательно, к проявлениям совместности, общности и единства¹¹.

¹⁰ Термин «причастность» все больше используется в юридической практике. Пункт 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ называет непричастность к совершению преступления в качестве основания прекращения уголовного преследования. Возникает вопрос, на который нет ответа в законе: а что считать причастностью к совершению преступления? Мы полагаем, что причастность, по смыслу УПК РФ, будет означать любое участие или содействие преступлению. Однако поскольку непосредственное участие именуется исполнением и является утвердившейся в законе, науке и практике терминологией, мы предлагаем обозначать термином «причастность» в материально-правовом смысле только содействие преступлению, не имеющее с ним общности социально-психологического акта, т.е. организационные действия, пособничество и подстрекательство.

¹¹ Уголовный кодекс Испании // URL: Law.edu/norm/norm.asp

В традиционных характеристиках соучастия, сформировавшихся еще в прошлые века, когда основная поведенческая наука — психология не существовала, мы находим как раз это обтекаемое представление о совместной деятельности людей. Но современные взгляды на поведение человека и его границы, совместную деятельность, основанные на данных психологии, не дают оснований для столь широкого ее понимания.

Принято считать, что вид соучастника отражает определенную функцию, роль соучастника. Но в таком случае вполне естественно было бы предположить, что эти роли имеют общее значение для всех вариантов проявления соучастия. Однако оказывается, что к так называемой групповой форме соучастия, в основу которой положены исполнительские действия, такое функциональное разделение не подходит. Тогда одно из двух: либо указанные в законе функции (роли) недостаточно дифференцированы, раз носят частный характер, либо они вообще не вписываются в рамки соучастия. Нам кажется правильным признать второе.

Группа, групповой признак — бесспорный показатель интегративного объединяющего начала¹², юридически воплощенного в признаке совместности, является изначальным, первичным и сущностным для соучастия. Без него не может быть соучастия вообще. Что касается функций, то они вторичны (с точки зрения развития деятельности), поскольку обусловлены ее внутренними задачами, обычно являются показателем усложнения деятельности (естественно, и преступной), возрастания эффективности, а в преступлении — повышения степени его опасности. Следуя логике, функциональность в соучастии должна возрастать по мере повышения его опасности. Последняя находит отражение в дифференциации соучастия по видам групп. Однако в сложившейся системе законодательства и практике она (функция, роль) признак скорее отсутствия группы, а не ее наличия. Практика фиксирует функциональность различных структур преступных группировок. Но это иная функциональность — не по крите-

рию исполнения (главный) или неисполнения (вспомогательный) преступления, а отражающая усложнение преступной деятельности как таковой. Поскольку четкого понимания данного различия в науке и практике нет, происходит «наслоение», «накат» подлинной функциональности, которая обнаруживается именно в сложной групповой преступной деятельности, с функциональностью традиционной (формальной), а фактически не функциональностью как таковой, а лишь дифференциацией отношения лиц к преступлению (главный — исполнитель, содействующий — пособник и т.п.). Это приводит к тому, что юридический статус видов соучастников, зафиксированный в ст. 33 УК РФ, имеющий иную социально-психологическую основу (разового самостоятельного содействия преступлению, а не участия в нем), растворяется в групповом начале, ассоциируемом, как правило, с исполнением преступления. И здесь мы сталкиваемся с серьезным противоречием и путаницей в квалификации, которые нельзя отнести только к формальным, поскольку на их основе дается различная социально-юридическая оценка, дифференцируется и индивидуализируется реальная ответственность.

С одной стороны, сложное соучастие при квалификации противопоставляется группе как противоположное явление, что фактически означает отрицание в нем интегративного, объединяющего начала, представленного в законе совместностью. Не случайно законодатель, регулируя ответственность соучастника за отклонение от общей линии (совместности), говорит об эксцессе именно исполнителя, а не какого-либо другого участника, тем самым косвенно признает, что совместность нехарактерна для преступления с разными ролями. Если бы совместность реально присутствовала при сложном соучастии, то эксцесс должен был бы неизбежно распространиться на все виды соучастников, чего на самом деле нет.

А с другой стороны, поскольку в более опасных групповых преступлениях (группа с предварительным сговором, организованная группа и преступное сообщество) формальная

¹² В этом мы согласны с А. В. Шеслером. Однако нельзя признать обоснованным слияние сложного (с разными ролями) соучастия с групповым, что не соответствует, на наш взгляд, общепринятым представлениям о второстепенности деяний содействующих лиц и практике квалификации этих преступлений. Не говоря уже о том, что, по нашему мнению, действия при разных ролях не являются совместными (см.: Шеслер А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex Russica. № 6. С. 30).

функциональность не исключается самим законом (нормы об этих групповых преступлениях не содержат обязательного условия в виде исполнительских действий), на практике она непоследовательно то признается, то не признается применительно к разным преступлениям или условиям их совершения.

Так, Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 постановления от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (с изменениями и дополнениями, внесенными постановлениями Пленума от 06.02.2007 № 7, от 23.12.2010 № 31) указывает, что при признании преступлений совершенными организованной группой действия всех соучастников, независимо от их роли в содеянном, подлежат квалификации как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ. Аналогичный подход прослеживается в указанном постановлении и в отношении соучастия в группе лиц с предварительным сговором (п. 10), поскольку участниками группы признаются и те лица, которые лишь содействовали исполнителю преступления (стояли на страже и т.п.). Вместе с тем здесь же дается рекомендация квалифицировать действия содействовавших лиц (пособников — по прямому указанию закона) и подстрекателей по ст. 33 УК РФ, то есть как негрупповое преступление¹³. Правда, в первом случае Верховный Суд говорит о непосредственном содействии преступлению (признавая его элементом группового преступления), как бы отделяя его от просто содействия, требующего ссылки на ст. 33 УК РФ (негрупповое преступление). Однако содействие остается содействием, и в законе оно названо пособничеством. Указание на непосредственность содействия есть не что иное, как фиксация факта приложения усилий лицом на месте и в момент совершения преступления, включенности его в преступление, а это и есть в психологическом смысле группа, что бы ни делали ее участники. Дело, таким образом, не в функции как абстрактной характеристике, а во включенности или невключенности лиц в процесс осуществления преступления, который всегда ограничен местом и временем. Лицо, включенное в тот или иной процесс деятельности, может в этой деятельности нести ту или

иную функцию, не включенное же, естественно, сделать этого не может. Таким образом, практика так или иначе стремится к фиксации при юридической оценке реальной функциональности, а не формальной, которая таковой и не является, а лишь отражает необходимость отличия участника преступления от лиц, имеющих к нему определенную причастность, но не принимающих в нем участия.

Сложившаяся практика разграничения при квалификации группового и сложного (негруппового) соучастия не основана на твердых критериях юридической оценки и содержит широкое поле для юридических импровизаций.

Названные колебания теории и практики принципиально объяснимы с точки зрения излагаемой автором позиции. Противопоставление сложного соучастия «простому» соучастию основано на признании того факта, что так называемое сложное соучастие и групповая форма (в их строго законодательной характеристике) представляют собой существенно разные социально-правовые феномены. Но поскольку закон и наука не дают их более или менее четкого разграничения, практика мечется между двух огней.

Обычно соучастие, квалифицируемое как совершенное с разными ролями, характеризуют как соучастие «рыхлое», со слабой интеграцией, эпизодическое и т.п. Мы же полагаем, что данная форма связи является не просто слабо интегрированной, а вообще исключающей совместность как таковую в ее подлинном научном (социальном и психологическом) смысле. Это наглядно можно увидеть при рассмотрении конкретных фактов такой криминальной связи. При скрупулезном разборе в ней трудно найти объективные и субъективные признаки совместной деятельности¹⁴.

Действовать совместно — значит действовать как один. Однако одно и то же деяние нельзя реально совершать, находясь в разных местах и в разное время (по крайней мере это затруднительно и практически не встречается в жизни даже с учетом бурно развивающихся коммуникативных средств). Кроме того, единство действий может быть обеспечено только их предварительным и (или) текущим согласованием. Последние предполагают согласие в том, что

¹³ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2. С. 2.

¹⁴ Об исследованиях совместной деятельности в психологии см., например: Совместная деятельность. Методология, теория и практика. М., 1988. С. 22—23.

делает каждая из сторон в общем деле, во взаимодействии. Следуя логике согласования, при подстрекательстве взаимодействующие стороны соглашаются с тем, что один будет склонять другого, а тот поддастся его уговорам и пойдет на дело? Подстрекатель, по-видимому, должен сказать подстрекаемому: «Моя задача подстрекать, а твоя совершать преступление»?! На самом деле подстрекатель незаметно (как правило) для подстрекаемого формирует его сознание, внушая ему свои мысли, ни в коей мере не концентрируя внимание на своей роли. Такое одностороннее воздействие не может быть признано неким соглашением между ними, необходимым для соучастия в преступлении. О каком распределении ролей в этом случае можно говорить, если подстрекаемый психологически даже не ощущает наличия в совершаемом им преступлении другого лица?

Примерно та же картина наблюдается при других ролях. Пособник соглашается помочь исполнителю преступления. Но это согласие не является согласованием их действий, так как пособник не собирается участвовать в исполнении преступления. Пособнику по большому счету все равно, какие последствия возникнут в дальнейшем от его помощи. Он удовлетворится и непреступным развитием своего содействия. Последний вариант для него даже более желателен («от греха подальше»). Его интерес может носить иногда материальный (при оплате услуги) характер, чаще дружеский или приятельский, и крайне редко он заинтересован в преступлении как таковом. Чаще всего исполнитель обращается к пособнику с просьбой, которая выполняется по изложенным мотивам. Но даже если инициативу проявляет пособник, предлагая свою услугу исполнителю, согласования как такового в рамках будущего преступления не происходит, поскольку они не достигают никаких договоренностей по поводу исполнения преступления. Исполнитель лишь ставит пособника в известность о своих намерениях, но не ведет с ним согласования, где, как, когда и при каких условиях он будет реализовать задуманное и что при этом должен делать пособник. Пособника это не интересует, пособничество и не предполагает знания всего этого. Взаимный обмен результатами действий как объективный признак при связи исполнителя и пособника отсутствует.

Люди вообще влияют друг на друга, помогают, пользуются советами других, усваивают образцы их поведения, но это не дает оснований считать оказавших влияние соучастниками совершаемых другими лицами действий.

При соучастии с разными ролями мы наблюдаем одностороннее воздействие одного на другого (исполнителя на подстрекателя), а не согласование ими своих действий, а тем более не взаимодействие. Не случайно действия при разных ролях не совпадают ни во времени, ни в пространстве, что несвойственно для совместной деятельности. Каждый совершает их в другом месте и в другое время, не поддерживая в этот момент контакт с другим лицом.

Еще более очевидно это различие при наличии организатора, для которого характерна власть над другими лицами (неважно какая — авторитета ли, зависимости и т.п.).

Фактически в практике квалификации соучастия мы сталкиваемся с попыткой преодоления рассогласования уголовно-правовых норм о формах соучастия и видах соучастников, что, как мы полагаем, явственно прослеживается в упомянутом выше постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Поскольку соучастие не имеет основательной законодательной и логической почвы, оно не может системно применяться в квалификации. Соответственно, базирующаяся на этом теоретическая концепция противоречива и осложняет понимание данного института и его применение.

То, что подстрекательство, организационные действия и пособничество заслуживают уголовного преследования, не может вызывать сомнений. Это не требует обоснования и преследовалось от века. Но это само по себе не дает оснований считать такие действия совместными. Хотя традиционно их рассматривают как соучастие.

Еще в советский период некоторые криминалисты указывали на неосновательное отнесение указанных действий к совместным.

Так, А. Н. Трайнин писал: «Подстрекатель более тонкий и поэтому более опасный маскирует свою преступную роль; в этих случаях исполнитель преступления может и не заметить, что стал жертвой подстрекательства... В таком положении может оказаться и пособник... В положении неведения могут оказаться друг в отношении друга... и пособник, и подстрекатель»¹⁵.

¹⁵ Трайнин А. Н. Понятие соучастия // Избранные труды. СПб., 2004. С. 262—263.

Н. А. Беляев отмечал, что «когда в совершении преступления, кроме исполнителя (исполнителей), принимают участие организатор, пособник, подстрекатель, практически отсутствует признак совместности... так как каждый из соучастников совершает самостоятельные действия, за которые он и отвечает... Не обязательным при этом является и признак осознанности совместности действий»¹⁶.

Практическое применение норм о соучастии создает противоречивую картину. Наличие законодательно закрепленных функций (ролей) вынуждает практику производить квалификацию со ссылкой на них, но наличие в том же законе групповых форм, ориентированных на исполнительские действия, заставляет правоприменителя искусственно «пристегивать» разные роли к исполнению как его частичное осуществление.

Необходимо осознать, что роли (виды) соучастия в их традиционном понимании (организационные действия, подстрекательство, пособничество) не имеют отношения к функциям, реализуемым в ходе непосредственного выполнения преступления, что, собственно, и признал Верховный Суд в названном постановлении. Они отражают не механизм реализации одного преступления, как должно бы быть в соучастии в преступлении, а отдельные разрозненные, хотя и связанные друг с другом самостоятельные преступления. Поскольку в социально-психологическом смысле их нельзя признать едиными с основным преступлением, постольку это находит выражение в их различной квалификации (одно квалифицируется по статье Особенной части, другое со ссылкой на Общую часть). Подлинное соучастие в преступлении квалифицируется одинаково в отношении всех лиц — как одно преступление. И это есть юридическое закрепление единства преступления, множественности действий, растворенных в одном. Продиктованная принципами справедливости и вины дифференциация действий соучастников при этом реализуется в ходе определения ответственности и размеров наказания. Здесь и учитываются действительные, а не формальные функции и многое другое, как того требует закон.

Функции, осуществляемые лицами в ходе одного преступления (реального соучастия) могут быть в той или иной мере внешне сход-

ны с выделенными в законе традиционными видами соучастия (содействие одному другому выглядит как пособничество, требование — как организация и т.п.), но они принципиально иные, так как включены в сам механизм реализации преступления. Причем функциональное разделение в рамках исполнения преступления может быть многообразным и не имеет непосредственного отношения к организации, подстрекательству и пособничеству. Например, реальный соучастник может выполнять транспортную, охранительную, силовую, идеологическую и иную функцию.

Функциональная двойственность теории и практики находит отражение и в характеристике действий организатора. Организация преступления — это одностороннее воздействие лица на объект упорядочения (людей, материальные явления и т.п.). Руководство преступлением представляет собой координацию действий лиц, непосредственно совершающих преступление (взаимодействие с ними), на месте его совершения, включенность в сам процесс осуществления преступления. Первый вариант — не соучастие, второй — соучастие.

При неупорядоченном разграничении ролей и форм возникает и противоположная крайность — сведение группового преступления, то есть действительной совместной деятельности, к разнорольевой деятельности, к соучастию с разными ролями. Последнее происходит в том случае, если за основу строго берется представленная в законе функциональность, роли (организатор, подстрекатель, пособник) при оставлении на втором плане группового признака, то есть признака совместной деятельности, а подчас просто игнорирование его.

Так, К. и Н. были знакомы по совместному употреблению наркотиков. Не имея легальных средств для удовлетворения этой болезненной потребности, они задумались добыть их путем преступления. Выбор преступников пал на имущество супругов Д. и Е., соседей Н. по лестничной площадке. С целью завладения и последующей продажи имущества для получения средств на приобретение наркотиков они решили совершить нападение на их квартиру. В дневное время, когда отсутствовал Д., они подошли к квартире. Поскольку Е. не открывала дверь квартиры незнакомым, К. и Н. догово-

¹⁶ Беляев Н. А. Институт соучастия и организованная преступность // Избранные труды. СПб., 2003. С. 250.

рились, что в дверь постучит Н. После того как Е. открыла дверь на его стук, К. и Н. ворвались в квартиру. Е., пытавшуюся оказывать сопротивление, К. стал душить. В процессе насилия К. попросил Н. подать ему шнур от радиоприемника, что последний и сделал. Этим шнуром К. задушил Е. После этого преступники забрали ценные вещи и скрылись.

Областной суд квалифицировал действия К. по п. «к» и «з» ч. 2 ст. 105 и п. «б» и «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ, а действия Н. — по тем же статьям и дополнительно по ст. 33 УК РФ как пособника в убийстве. Кассационная инстанция оставила приговор без изменения. Таким образом, судебные органы решили, что убийство не было групповым преступлением, поскольку Н. в лишении жизни не участвовал, а только содействовал ему. Причем совершенное в это же время, в этом же месте, в отношении того же потерпевшего разбойное нападение признано групповым¹⁷.

Такая оценка совершенных преступлений в системе существующих норм о соучастии является типичной и признается правильной. Однако ее противоречивость, несоответствие социальной справедливости и социальному значению совершенных действий (поскольку устранение в убийстве признака группы повлекло более мягкое наказание) представляются нам очевидными.

Последние изменения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2002 № 29 от 3 марта 2015 г. еще более усилили указанное противоречие¹⁸. В дополненном пункте 14.1 сказано: «Если умыслом виновных, совершивших разбойное нападение группой лиц по предварительному сговору, охватывалось причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или лишение его жизни, но только один из них причинил тяжкий вред здоровью либо смерть потерпевшему, действия всех участников группы следует квалифицировать по пункту “в” части четвертой статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации как соисполнительство в разбое, совершенном с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. При этом действия лица, причинившего тяжкий вред здоровью потерпевшего, повлекший по

неосторожности его смерть, или совершившего убийство потерпевшего, квалифицируются также по части четвертой статьи 111 или пункту “з” части второй статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации соответственно».

Получается, что за одни и те же действия при разбое причиненный результат, а именно тяжкий вред, вменяется всем участникам группы, а за лишение жизни в ходе разбойного нападения отвечает только тот, кто участвовал в лишении жизни непосредственно.

Таким образом, основная, на наш взгляд, проблема применения института соучастия заключается в нестыковке его законодательных положений о сущности соучастия как совместной деятельности, постепенно сложившаяся в ходе эволюции науки и практики, с традиционными представлениями о соучастии, включающими в него способствование в той или иной мере «основному» преступнику, то есть именно тому лицу, кто совершает (исполняет) то, что признается в законе собственно преступлением (убийца лишает жизни и т.п.).

Мы полагаем, что организационные действия, подстрекательство и пособничество не являются выполняемыми ролями при совершении преступления. Они представляют собой те или иные формы содействия ему для последующего совершения. Их интенсивность и значимость для основного преступления (абстрактно) различна и, как принято считать, ранжирована в законе по степени ее убывания (организатор, подстрекатель, пособник). Соответственно и степень опасности этих деяний рассматривают обычно в последовательности их упоминания в законе. Хотя в реальности любое из этих действий может приобрести повышенную опасность. Подстрекатель может склонить к преступлению значительное число лиц, а пособник содействовать многим лицам, что в совокупности приведет к большей опасности, чем совершенное исполнителем. Последнее обстоятельство также указывает на определенную независимость действий этих лиц от основного преступления.

Так же, как нельзя участвовать в преступлении после его окончания, нельзя в нем участвовать и до его начала. Нельзя участвовать в том,

¹⁷ Оренбургский областной суд. 1999. Дело 2—137. См. также: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 7. С. 13; Там же. 2002. № 10. С. 11; Там же. 2004. № 3. С. 14—15; Там же. 2006. № 10. С. 19—20.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.03.2015 № 9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 5.

чего еще нет. Но это не исключает соучастия в приготовлении к преступлению и покушении на преступление, если лица, совершившие указанные действия, имели намерение совместно продолжить их до достижения результата, но были остановлены обстоятельствами.

Изложенная характеристика совместной деятельности основана на данных психологической науки. Одним из основных факторов совместной деятельности психологи называют общение, которое обеспечивает совместность деятельности¹⁹.

Структура общения складывается из коммуникации, интеракции и социальной перцепции. Под коммуникацией понимается обмен информацией. Интеракция рассматривается как обеспечение взаимодействия — обмен не только знаниями и идеями, но и действиями. Социальная перцепция предполагает восприятие и познание друг друга партнерами по общению и установление на этой основе взаимопонимания²⁰. «Общение нельзя рассматривать лишь как отправление информации какой-то передающей системой или как прием ее другой системой потому, что в отличие от простого “движения информации” между двумя устройствами здесь мы имеем дело с отношением двух индивидов, каждый из которых является активным субъектом: взаимное информирование их предполагает налаживание совместной деятельности. Это значит, что каждый участник коммуникативного процесса предполагает активность также и в своем партнере, он не может рассматривать его как некий объект... В коммуникативном процессе происходит не простое движение информации, но как минимум активный обмен ею»²¹.

При совместной деятельности происходит «...осознание каждым из участников... как он воспринимается своим партнером по общению. Это не просто знание другого, но знание того, как другой знает (понимает) меня, своеобразный удвоенный процесс зеркальных отношений друг друга»²².

Вот именно этого необходимого для совместной деятельности коммуникативного процесса и удвоенного процесса зеркальных отношений друг к другу не существует при так называемом соучастии с разными ролями. В субъективном плане один из участников рассматривает другого как некий объект воздействия (подстрекатель и организатор — исполнителя, а исполнитель — пособника). А в объективном в них не происходит столь же необходимого обмена действиями, а следовательно, отсутствует взаимодействие.

В работах по психологии, посвященных совместной деятельности, наряду с общепринятыми ее признаками (общая цель, координация, функциональное разделение операций), указываются такие ее характерные признаки, как «...объединение, совмещение или сопряжение индивидуальных деятельностей и (индивидов), понимаемые как образование единого целого... Совместность как особое качество деятельности порождается таким объединением индивидов, при котором между ними возникает взаимосвязь и взаимозависимость, задаваемая деятельностью», а также «наличие единого пространства и одновременность выполнения индивидуальных деятельностей»²³.

В качестве существенного признака совместной деятельности указывается взаимодействие, которое «как бы пронизывает совместную деятельность, играя организующую роль»²⁴. Причем подчеркивается специфичность группового взаимодействия и его отличие от контактов в широком, общем смысле. «Взаимодействие между людьми или общение как одна из конкретных форм могут иметь место и при выполнении относительно независимых индивидуальных деятельностей, однако при этом оно не включается в структуру этой деятельности и не вносит в нее принципиальных изменений. В данном случае взаимодействие, образно говоря, присутствует рядом с индивидуальной деятельностью, сопутствуя ей

¹⁹ Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1997. С. 81; Роббер М. А., Тильман Ф. Психология индивида и группы. М., 1988. С. 107, 176.

²⁰ Андреева Г. М. Указ. соч. С. 82.

²¹ Указ. соч. С. 82.

²² Межличностное восприятие в группе. М., 1981. С. 53.

²³ Совместная деятельность. Методология, теория, практика. С. 22—23. См. также: Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. Ярославль, 2000. С. 48.

²⁴ Совместная деятельность. Методология, теория, практика. С. 27.

в форме общения. Такое взаимодействие является предметно направленным и не изменяет структуру деятельности»²⁵.

Организационные действия, подстрекательство и пособничество и есть индивидуальная деятельность, присутствующая рядом с взаимодействием.

Поэтому с позиции психологической науки некорректно относить такие формы взаимосвязи преступников (организационные действия, подстрекательство и пособничество) к совместной деятельности, а следовательно, и к соучастию. В то время как виновность в преступлении не может быть выявлена без учета психологической характеристики.

Традиционные формы стечения неглавных, как принято считать, соучастников являются отражением более широкой общности — совершением разных преступлений во взаимосвязи: с содействием одних другим или с воздействием одних на других, но не с их взаимодействием. Такая общность связанных преступлений как прикосновенность (не обуславливающая взаимосвязь) давно осознана в науке уголовного права. В последнее время все большее число специалистов разделяют мнение о юридическом значении неосторожного сопричинения преступлений. Мы полагаем, что закон, наряду с неосторожным сопричинением и прикосновенностью, должен быть дополнен таким специальным вариантом взаимосвязи, как причастность к преступлению, выделенная из традиционного соучастия в самостоятельную норму из-за отсутствия в ней совместности при одновременном наличии содействующей связи одного лица, совершающего преступление, с другим.

Таким образом, институт соучастия нуждается, во-первых, в уточнении понятия «совместность», а во-вторых, обнаруживает определенную системную связь на более высоком уровне обобщения со смежными случаями взаимосвязи в совершении преступления без признака совместности (содействие преступлению, неосторожное сопричинение, прикосновенность к преступлению). Их упорядоченная фиксация (по степени значимости) в законе повысит его эффективность, сделает понятным как для правоприменителя, так и для граждан.

По слитности объективных и субъективных признаков, определяющих степень взаимо-

связи единства во множестве, все такого рода случаи могут быть градированы следующим образом:

- прикосновенность к преступлению (необуславливающая взаимосвязь преступлений);
- неосторожное сопричинение (обуславливающая взаимосвязь при отсутствии субъективной связи);
- причастность к преступлению (обуславливающая взаимосвязь при наличии неполной (односторонней) субъективной связи и при отсутствии взаимодействия);
- соучастие в преступлении (обуславливающая взаимосвязь при наличии субъективной связи и взаимодействия лиц, совершающих преступление).

В целом вся выделенная общность совершения преступлений во взаимосвязи может быть обозначена термином «стечение преступников».

Следовательно, законодательство и практика знают большее число степеней сочетания (слитности) объективных и субъективных признаков в деяниях нескольких лиц при одном преступлении, чем отражено в нормах о соучастии. Их юридическое закрепление позволит более точно дифференцировать ответственность нескольких лиц, имеющих отношение к одному преступлению, привести в соответствие их социальное значение с юридической формой выражения в законе. В связи с этим предлагается реконструировать гл. 7 «Соучастие в преступлении» УК РФ в общий институт «Стечения преступников», придав ей более широкое содержание за счет включения таких форм отношения нескольких лиц к одному преступлению, которые не могут рассматриваться как совместные деяния, но находятся в связи и зависимости.

«Глава 7. СТЕЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКОВ В ОДНОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ»

Статья 32. Понятие стечения преступников в одном преступлении

1. Стечением преступников признается совершение преступления несколькими лицами, содействие одного лица совершению преступления другим лицом до его начала либо оказание помощи лицу, совершившему его, после окончания преступления.

²⁵ Совместная деятельность. Методология, теория, практика. С. 27.

2. Лицо признается исполнившим преступление (исполнителем), если оно полностью или частично совершило деяние, предусмотренное настоящим Кодексом, координировало действия других исполнителей (руководило ими) либо оказывало им иную помощь в процессе его исполнения.

Статья 33. Формы стечения преступников

1. Формами стечения преступников являются сопричинение преступления, причастность к преступлению, соучастие в преступлении и прикосновенность к преступлению.
2. Сопричинение преступления есть его совершение неосторожными деяниями двух или более лиц.
3. Причастностью к преступлению признается организация преступления, подстрекательство к преступлению, пособничество в совершении преступления.
4. Соучастием в преступлении (групповым преступлением) признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.
5. Прикосновенностью к преступлению признается деяние, непосредственно связанное с совершением преступления, но не содействовавшее ему.

Статья 34. Виды причастности к преступлению

1. Видами причастности к преступлению признаются организация преступления, подстрекательство к преступлению, пособничество преступлению.
2. Организацией совершения преступления и руководством его участниками признается деятельность по подбору участников преступления, распределению ролей в совершении преступления, планирование, материальное обеспечение и другие деяния, создающие условия для его совершения.
3. Подстрекательством признается склонение другого лица к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или иным способом.
4. Пособничеством признаются действия, способствующие совершению преступления, то есть советы, указания, предоставление информации, средств или орудий совершения преступления либо устранение препятствий, а также заранее данное обещание скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые

преступным путем, а равно заранее данное обещание приобрести или сбыть такие предметы.

Статья 35. Виды соучастия в преступлении

1. Видами соучастия в преступлении признаются совершение его группой лиц, группой лиц с предварительным сговором, организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией).
2. Преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более лица без предварительного сговора.
3. Преступление признается совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.
4. Преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.
5. Преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений.

Статья 36. Виды прикосновенности к преступлению

Видами прикосновенности к преступлению являются заранее не обещанные укрывательство преступления лиц, участвующих в его совершении, орудий и средств совершения преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем, а также попустительство совершению преступления или недонесение о его подготовке или совершении.

Статья 37. Ответственность при стечении преступников

1. Сопричинители преступления отвечают в зависимости от степени причиненного ими вреда. Их действия квалифицируются по статье Особенной части настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за совершенное преступление, со ссылкой на часть 2 статьи 33 настоящего Кодекса.

2. Ответственность соучастников преступления определяется степенью их соорганизованности при исполнении преступления (видом соучастия), а также характером и степенью фактического участия каждого из соучастников в совершении преступления.
3. Действия соучастников квалифицируются по статье Особенной части настоящего Кодекса, а при отсутствии в ней признака соучастия (группы) дополнительно по соответствующей части статьи 35 настоящего Кодекса. Совершение преступления в соучастии влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом.
4. Лица, причастные к совершению преступления, несут ответственность по статье Особенной части со ссылкой на соответствующую часть статьи 34 настоящего Кодекса. Их ответственность определяется степенью влияния на действия исполнителя(ей) (соучастников) преступления.
5. Создание организованной группы в случаях, не предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса, влечет уголовную ответственность за приготовление к тем преступлениям, для совершения которых она создана.
6. Лицо, создавшее организованную группу либо руководившее ею, подлежит уголовной ответственности за ее организацию в случаях, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса. Другие участники организованной группы несут уголовную ответственность за участие в ней в случаях, предусмотренных статьями Особенной части настоящего Кодекса.
7. Лица, прикосновенные к преступлению, несут ответственность в случаях, специально предусмотренных законом».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 1997.
2. Беляев Н. А. Институт соучастия и организованная преступность // Избранные труды. — СПб., 2003.
3. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. — М., 1980.
4. Карпов А. В. Общая психология субъективного выбора: структура, процесс, генезис. — Ярославль, 2000.
5. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. — М., 1990.
6. Межличностное восприятие в группе. — М., 1981.
7. Совместная деятельность. Методология, теория и практика. — М., 1988.
8. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть Общая. — Тула, 2001. — Т. 1.
9. Трайнин А. Н. Понятие соучастия // Избранные труды. СПб., 2004.
10. Шеслер А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex Russica. — 2015. — № 6.

Материал поступил в редакцию 23 сентября 2015 г.

CRIMINAL COMPLICITY IN THE SYSTEM OF CRIMES CHARACTERISED BY CONCOURSE OF PERPETRATORS

PLOTNIKOV Alexander Ivanovich — Doctor of Law, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Orenburg Institute (branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
plotnikovmgua@yandex.ru
460000, Russia, Orenburg, ul. Komsomolskaya, d. 50.

Review. *Criminal Complicity is the most vulnerable element in the system of criminal law norms. Its practical application is characterized by contradictions and discrepancies of fundamental research. The author shows the main reason that served as the "apple of discord" among experts. In the author's opinion this reason is the contradiction between the traditional division of complicity into the perpetrators, organizers and instigators with the modern understanding of the collaborative activity that is considered to be a constructive element of a crime under the law. According to the findings of the psychological science, collaboration presupposes a conscious interaction of several individuals that is limited in time and place of its implementation. Named traditional forms of criminal compliance do not possess these characteristics as they are separated*

independent acts. As a result of overlapping of these conflicting views and legislative provisions that reflect them, the practical application of the rules on complicity results in inconsistent and, to some extent, arbitrary evaluation of the same acts as group crimes that have an obvious sign of collaboration (actual complicity) or as complex complicity (traditional), which predetermines their different responsibility and punishability. Since the legal formula of criminal complicity requires joint action of accomplices, the traditional forms of complicity are either artificially adjusted to it, or collaborative actions are expanded to the limits of conventional forms giving rise to the confusion in qualification of a crime, which leads to law enforcement improvisations and violations of the principles of legality and fairness with regard to the issues that involve the responsibility of accomplices. In the author's opinion, the current situation can be eliminated by means of allocating conventional forms of complicity into a separate group of rules that are named "involvement in a crime" and that do not possess such a criterion as collaboration. The former includes group crimes that need specific qualification, responsibility and punishability. To this end, the author suggests that the whole system of rules that are similarly to criminal complicity connected with the facts of concurrence of criminals in connection with the commission of a crime should be systemized, the whole system being divided depending on the extent of interconnection of objective and subjective elements into: 1) reckless co-damnation; 2) involvement in a crime; 3) criminal complicity; 4) participation in a crime. This proposal, as the author believes, will eliminate the existing contradictions in the institution of complicity, systemize criminal law rules concerning the concurrence of criminals on the grounds of risk and the phenomena they reflect and consequently facilitate the qualification of such crimes, which will facilitate the implementation of the principles of criminal law and its efficient application. The author also provides drafts of relevant rules.

Keywords: *concurrence of criminals, criminal complicity, involvement, collaborative activity, group crime, criminal complicity in the crime to the execution of the different roles, involvement in a crime, organizer, performer, instigator, accomplice.*

BIBLIOGRAPHY

1. Andreeva, G. N. Social Psychology. M., 1997.
2. Belyaev, N. A. The institute of criminal complicity and organized crime // Selected works, SPb., 2003.
3. Galiakhbarov, R. R. Group crimes qualification. M., 1980.
4. Karpov, A. V. General Psychology of the subjective choice: structure, process, genesis. Yaroslavl, 2000.
5. Losev, A. F. From yearly works. M., 1990.
6. Interpersonal perception in the group M., 1981.
7. Collaborative work: methodology, theory and practice M., 1988.
8. Tagantsev, N. S. Russian Criminal Law. General part. V.1. Tula, 2001.
9. Traininin, A. N. The definition of complicity // Selected works. SPb., 2004.
10. Shesler, A. V. Prospects for improving the criminal law rules of complicity in a crime // LexRussica. 2015. №6